

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-127-148

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Г.В. Денисова, канд. филологич. наук, доц. кафедры славистики Департамента филологии, литературоведения и языкознания Государственного Пизанского университета, Санта Мария, 36, г. Пиза, Италия, 56121*

В статье рассматривается роль социокультурных стереотипов в межкультурной коммуникации. Данная проблематика заслуживает особого внимания, во-первых, потому что в процессе поиска и разработки национальных картин мира аналитические описания смыслового содержания языковой реальности часто подменяются мифами, которые принимают участие в создании желаемого дискурса; во-вторых, закрепившиеся в языковой картине мира стереотипы при их несовпадении со стереотипами иноязычной картины мира существенно затрудняют обратную связь с партнерами по коммуникации.

Социокультурный стереотип в работе интерпретируется как некий фрагмент мира, существующий в сознании в виде устойчивого, обусловленного социокультурной спецификой и закрепленного в языковой картине мира представления о предмете или ситуации. Такое понимание близко к трактовке стереотипа как общественно-исторического мифа, отражающего системность существенных для общества знаний человека об окружающем мире и, как следствие, задающего оценочные координаты и моделирующего разные сферы жизни (мораль, эстетику, образование, литературу, искусство, быт и пр.). Мифы проникают в сознание благодаря текстам, вживаются и формируют горизонт ожидания, способствуют возникновению стереотипов. Носитель вместе с освоением языка/культуры усваивает порожденные языком/культурой мифы и начинает воспринимать и оценивать действительность через них.

На основе теоретического положения о том, что любая лингвокультура располагает набором ключевых концептов и стереотипов, которые порождаются национальными мифами и обеспечивают “выход” на образ мира участников речевого общения по линии языковых и энциклопедических знаний, автором был проведен опрос среди одноязычных носителей русского и итальянского языков, а также среди билингвов. В результате была подтверждена гипотеза о том, что стереотипы сознания, будучи психологическими феноменами, соотносятся с социолингвистическими феноменами — языковыми клише, лингвоспецифичными словами и выражениями, которые проявляются в коммуникации посредством ассоциаций. Результаты опроса двуязычных респондентов позволили сделать следующие выводы: в условиях естественного билингвизма более высокий уровень энциклопедической компетенции в лингвокультуре, в рамках которой получается образование; при субординативном типе двуязычия зафиксировано

* Денисова Галина Валерьевна, e-mail: g.denissova@tiscali.it

очевидное доминирование энциклопедического кода родной лингвокультуры. Как следствие, коммуникативное поведение иноязычных партнеров рискует быть неправильно интерпретированным, что может служить причиной конфликтов в межкультурном общении.

Ключевые слова: стереотип, сознание, миф, социализация, регулятор поведения, установка, языковая личность, вторичная языковая личность, языковая картина мира, межкультурная коммуникация.

SOCIOCULTURAL STEREOTYPES IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Denissova Galina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Subdepartment of Slavistics, Department of Philology, Literature and Linguistics, University of Pisa, Santa Maria 36, Pisa, Italy, 56121, e-mail: g.denissova@tiscali.it

The relationship between language and culture has long been the subject of fierce debates among philosophers, linguists and social scientists. In spite of Chomsky's theory about an innate biological basis for language and Steven Pinker's concept of language instinct, language use, however, is social, so the idea of a biological language instinct seems to be controversial from the perspective of sociolinguistics. The concept of "linguistic worldview" refers to the cognitive function of language. Human beings have the ability to communicate with one another by means of a system of conventional signs, which refers to classes of phenomena in an extra-linguistic reality. Thus, a certain cognitive view of the world, its categorisation and conceptualisation of the identified phenomena are encoded in the human mind. People who identify themselves as members of a social group acquire common ways of viewing the world through their interactions with other members of that same group. Common attitudes, beliefs and values are reflected in the way all members of the group use language, i.e. what they choose to say or not to say and how they say it. The view of the world, established in a language, is not identical to any encyclopaedic knowledge of the world.

The present paper is a general overview of stereotypes as part and parcel of the linguistic worldview that influence on cross-cultural communication. Most definitions characterize a stereotype as a schematic, standardized, constant, conventional, nationally dependant phenomenon and the last feature is especially important for cross-cultural communication. Some claim that stereotypes can cause problems in cross-cultural communication as they concentrate on generalized simplified perceptions about a certain nation. Others consider that stereotypes can play a positive role in cross-cultural communication since they help people to acquire basic knowledge about another nation. The ongoing cultural globalization, however, determines certain changes in the principles of interaction of different types of intertextual encyclopaediae and reveals the necessity to reconsider the kind of cultural and sociological competence required nowadays.

The author hypothesized that stereotypes of consciousness, being psychological phenomena, correlate with sociolinguistic phenomena — language cliches, linguistic specific words and expressions that manifest themselves in communication through different associations. The experiment conducted in Russia and in Italy among bilinguals clearly showed the dominance in the communicative behavior of native encyclopedic code that may be the main cause of misunderstanding in cross-cultural communication.

Key words: stereotype, cross-cultural communication, perception, linguistic worldview, encyclopaedic knowledge, cultural and sociological competence.

Образ мира у человека в значительной степени строится через слово, и именно через слово в процессах речемыслительной деятельности и общения в индивидуальной картине мире “кристаллизуются” фрагменты реальности. Объяснить стремление познать язык как воплощение социокультурных и личностных смыслов можно, взяв на вооружение мысль Б.А. Успенского, что язык, моделируя мир, одновременно “моделирует и самого пользователя этим языком”¹, а также напоминание М.М. Бахтина, что мы берем язык не как систему абстрактных грамматических категорий, а как “язык мировоззрения” и даже как конкретное мнение, обеспечивающее максимум взаимного понимания². Сложный философский вопрос соотношения языка и мышления остается за рамками работы, однако принципиальными для нас являются следующие положения: речевая деятельность носит фреймоподобный характер³, а владение языком предполагает владение концептуализацией мира, т.е. знание заложенных в лингвокультуре национально-специфичных единиц.

Структура языкового сознания включает образы, выражаемые при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей⁴. Первичные образы сознания формируются в ходе познавательной деятельности, а вторичные — в ходе обработки и контаминации первичных образов. Угол зрения, под которым преломляется картина мира, обеспечивается словом, которое и делает возможным учет всех релевантных как языковых, так и фоновых связей и отношений. Универсальным средством хранения, формирования и представления знаний разного уровня является язык, выступающий также основным объектом анализа при изучении менталитета, поскольку все семиотические подсистемы внутри общества и само общество интерпретируются именно через язык⁵. В этой связи особую важ-

¹ Успенский Б.А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. Т. I. С. 7.

² Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. М., 1986. С. 471.

³ Под “фреймом” в данном случае понимается «когнитивная единица, формируемая клише/штампами сознания и представляющая собой “пучок” предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций» (Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С. 167).

⁴ Борботько В.Г. Игровое начало в деятельности языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996; Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977; Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. М., 2000. С. 24–32.

⁵ Бенвенист Э. Общая лингвистика. Благовещенск, 1998. С. 79, 86.

ность при рассмотрении вопроса взаимосвязи языка и общества приобретает введенное Ю.Н. Карауловым в современный научный контекст понятие “языковая личность”, под которой понимается когнитивно-коммуникативный инвариант, обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и форм поведения, лежащих в основе языкового сознания⁶. В структуре языковой личности отмечается существование инвариантной части, выделение которой обуславливает существование общенационального языкового типа и детерминирует принадлежность индивида к тому или иному социолингвокультурному обществу, причем именно инвариантная часть в структуре языковой личности обеспечивает возможность взаимопонимания носителей разных социальных и культурных кодов, разных национальных концептосфер⁷.

Установка на понимание языка как творчества (которая объединяет гумбольдтианскую и потебнианскую традиции с учением Н. Хомского) должна быть, с нашей точки зрения, дополнена учетом клишированных форм и стереотипов в силу того, что носитель любой лингвокультуры обладает определенной ассоциативно-вербальной сетью, являющейся репрезентантом состава и устройства языка и одновременно — субстратом языковой способности носителя, т.е. заключает в себе систему в состоянии “речевой готовности”. Составляющие эту сеть единицы разнородны по своей природе и отражают определенные ментальные стереотипы, и их изучение в ракурсе межкультурного общения имеет как теоретическое, так и практическое значение: оно позволяет выявить типологические черты когнитивного и языкового сознания в формировании вторичной языковой личности и понижает вероятность коммуникативных сбоев в процессе межкультурного общения. Очевидно, что рассматриваемая проблематика требует комплексного подхода, принимающего во внимание данные разных наук — философии, социологии, культурологии, семиотики, социолингвистики, психолингвистики, этнопсихолингвистики и др.

Переход от изучения знаковых систем, непосредственно осмысленных и сознательно используемых носителями языка, к знаковым системам, которые ими не всегда осознаются, впервые был осуществлен в коннотативной семиологии Р. Барта, который не без влияния концепций Ж. Деррида и Ю. Кристевой перешел от изучения “произведения” к “тексту”, а от герменевтической

⁶ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 60–62.

⁷ Елизарова Г.В. Формирование поликультурной языковой личности как требование новой глобальной ситуации // Языковое образование в вузе. СПб., 2005. С. 8–21.

интерпретации — к интертекстовому “чтению-письму” и показал, что в известном смысле язык предшествует индивиду, помимо него организуя действительность посредством готовых формул (от фонетического и лексического уровней вплоть до разных типов дискурса). Сказанное означает, что посредством предписанных языком готовых формул и текстов носителем усваивается “порядок культуры” — наиболее эффективный механизм внушения стереотипов, закодированных на языке социума и нужных этому социуму для регулирования поведения ее представителей. Сотканный из множества равноправных кодов, текст, в свою очередь, вплетается в “память” культуры и становится не столько устойчивым знаком, сколько условиями его порождения и той средой, в которую погружена речевая деятельность⁸. Впитываемые еще на стадии освоения языка тексты ведут к образованию коллективных мифов⁹, моделирующих действительность и охватывающих разные сферы жизни: мораль, эстетику, образование, литературу, искусство и быт. Миф в такой интерпретации тесно связывается с языком и информацией, становится объектом изучения семиотики. То, что является знаком в языке, превращается в мифе в обозначающее: “Разрушение, которому он (миф. — Г.Д.) подвергает коллективный язык, абсолютно; к этому разрушению, собственно, и сводится вся его задача”¹⁰.

В своей теории Барт отклоняется от концепции К. Леви-Стросса и предлагает видеть в современном мифе не орудие первобытного образного мышления, а инструмент демагогии в естественном виде. Мифом может стать в особых условиях речевого поведения *любое сообщение* (“вторичная мифологическая система строится на основе какого угодно смысла и даже на основе отсутствия всякого смысла”¹¹), а носитель вместе с освоением языка/культуры усваивает порожденные ими мифы.

Рассматривая культуру как некий язык и всю совокупность текстов на этом языке, Ю.М. Лотман отмечает, что при усвоении языка

⁸ Barthes R. S/Z. P., 1970. P. 27–28.

⁹ Миф в настоящей работе рассматривается не как специфический повествовательный текст, а исключительно как *феномен сознания*. При всей разноречивости в определениях миф, понимаемый в духе юнгианской аналитической психологии как синоним коллективного подсознания, стал одним из центральных понятий теории культуры XX столетия, причем миф как мировоззрение во многом под влиянием концепции К. Леви-Стросса оттеснил миф как повествование. Тотальная семиотичность культуры, порождающая символизм, по замечанию Е.М. Мелетинского (*Мелетинский Е.М. Поэтика мифа*. М., 1976. С. 278), собственно и является оборотной стороной мифологизма.

¹⁰ Барт Р. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 128.

¹¹ Там же. С. 72–73, 98.

ребенком в его сознание вводятся не правила, а тексты, которые он запоминает и на основании которых учится самостоятельно их порождать. Текст, таким образом, несет функцию обеспечения общей памяти коллектива, а сам язык вычисляется из текстов и становится как бы вторичной абстракцией¹². Мифы, таким образом, проникают в сознание благодаря текстам, вживаются и формируют горизонт ожидания носителей, способствуют возникновению стереотипов. Петербург, например, во многом утвердился как миф, совершив прорыв в сферу символического и провиденциального, через “Петербургский текст”, представляющий собой некий свертхтекст со своим генезисом, структурой, мастерами и способами языкового кодирования¹³; или представление о Днепре как о величайшей реке, которое для носителей русской культуры основано на гоголевском описании (“редкая птица долетит до середины Днепра”) не в меньшей степени, чем на географических сведениях¹⁴.

Различаются “сильные” и “слабые” мифы: “...в сильных мифах политический заряд дан непосредственно и деполитизация происходит с большим трудом; в слабых мифах политическое качество предмета *поблекло*, как старая краска, но достаточно небольших усилий, чтобы оно быстро восстановилось”¹⁵. Как существуют мифические объекты, которые в течение определенного времени находятся в состоянии дремоты, так существуют и “слабые” тексты, отражающие мифы, заряд которых является почти нейтральным, причем такое состояние обусловлено не структурой самих текстов, а особенностями социокультурной ситуации. Понятия “сильный текст”/“слабый текст” часто употребляются как нечто очевидное, несмотря на то что однозначное их определение до сих пор не выработано. По мнению Н.А. Фатеевой, “сильные” произведения и

¹² Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб., 2001. С. 417; Лотман Ю.М. О русской литературе: статьи и исследования: 1958–1993, история русской прозы, теория литературы. СПб., 1997. С. 424–425.

¹³ Топоров В.Н. Петербург и “Петербургский текст русской литературы”. Введение в тему // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 275.

¹⁴ Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский указывают, что разного рода тексты могут считаться мифами или даже ничем от них не отличаться, но только с позиции немифологического сознания. Поэтому следует “различать спонтанно возникающие мифологические пласты и участки в индивидуальном и общественном сознании от обусловленных теми или иными историческими причинами сознательных попыток имитировать мифогенное сознание средствами немифологического мышления” (Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф — имя — культура // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб., 2000. С. 537).

¹⁵ Барт Р. Указ. соч. С. 113.

авторы выполняют роль “центрирующих” при установлении интертекстуальных связей¹⁶, что отождествляет “сильные тексты” с художественной литературой. Схожая точка зрения выражена в работах Н.А. Кузьминой, которая связывает понятия “сильного текста”/“слабого текста” с энергообменом, фактически ограничивая категорию “сильных текстов” хрестоматийными произведениями, входящими в учебный канон школьно-университетского образования¹⁷. Иное понимание предлагает М.Б. Ямпольский, относя к “слабым текстам” явления эпигонства или плагиата, а к “сильным” — тексты, избегающие декларативного подражания. Цитирование при таком подходе становится парадоксальным способом утверждения оригинальности и одновременно искажением простой преемственности в эволюции¹⁸.

Мы связываем понятия “сильный текст”/“слабый текст” с лингвоментальным комплексом носителя языка/культуры и при их определении предлагаем исходить из структуры языковой личности. Языковая компетенция проявляется в знании определенного набора текстов, которые получили название “прецедентных” и определяются как готовые интеллектуально-эмоциональные блоки (стереотипы, образцы и т.д.), использующиеся в качестве инструмента для облегчения и ускорения осуществляемого языковой личностью переключения из фактологического контекста мысли в ментальный и обратно. К прецедентным текстам относится всякое крупное явление национальной культуры, апеллирование к которому постоянно осуществляется в речевой деятельности носителей. Прецедентные тексты делятся на тексты историко-национального характера (т.е. отвечающие критерию “мест памяти” и, как правило, включенные в канон школьного образования) и на тексты актуально-оперативного характера (т.е. соотносимые с настоящим и актуальным для широкого круга носителей языка в данный момент времени)¹⁹. Основополагающим в данном случае является то, что прецедентные тексты входят в национальную память, составляя часть апперцепционной базы и когнитивный уровень ассоциативно-вербальной сети носителей языка, а их употребление в качестве

¹⁶ Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000. С. 141.

¹⁷ Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах функционирования поэтического языка. Екатеринбург, 1999. С. 37, 51.

¹⁸ Ямпольский М.Б. Память Тиресия: интертекстуальность и кинематограф. М., 1993. С. 136.

¹⁹ Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999. С. 154–155.

“чужого слова” является проявлением социо- и лингвистического опыта языковой личности.

Смещение интереса от “Автора” к фигуре “Читателя” ознаменовало смену интерпретативной парадигмы и изменило отношение к понятию “текст” как к исторически открытому явлению, ценность которого подвижна и поддается переосмыслению. Из такого понимания следует, что любой текст может становиться “сильным” в какой-то фазе своего развития, причем совершенно непредсказуемо, какой именно текст превратится в “общее место памяти”. Это зависит от процессов в обществе, где постоянно происходят изменения положения той или иной влиятельной референтной группы, которая своими оценками обеспечивает успех своих текстов (“сильным” текст становится не из-за того, *что* в нем написано, а благодаря тому, *кем* и *когда* он прочитывается), а также от статуса литературы как социального института. Успех, таким образом, может иметь только чтение, которое отвечает основным проблемам общества в определенный исторический момент. Непредсказуемое взаимодействие между автором, текстом и читателем А. Эткин называет “мягкой перформативностью”, которая, в отличие от “жесткой перформативности” Э. Бенвениста, не выводима из формальной структуры самого текста²⁰. “Сильными” могут становиться не только произведения художественной литературы, но и любые культурные системы, социальные знаки с определенным комплексом идей и с собственной фразеологией, которые порождают различные идиомы, функционирующие в речевой деятельности как готовые “чужие слова”.

Любая лингвокультура располагает набором ключевых концептов и стереотипов, которые порождаются национальными мифами и обеспечивают “выход” на образ мира участников речевого общения по линии языковых и энциклопедических знаний²¹. Рассматривая формы организации и функционирования знаний, У. Эко предложил дихотомию “словарь” (т.е. вербально-семантическое единство)/“энциклопедия” (т.е. комплекс понятий коллективной памяти общества, сформированный на основе пользования естественным языком)²². Языковая и энциклопедическая компетенции тесно переплетаются, в совокупности составляют социокультурную компетентность языковой личности и формируют “языковую картину мира” — разделяемую большинством говорящих на данном языке систему представлений, заключенных в значении

²⁰ Эткин А.М. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001. С. 468.

²¹ Денисова, Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М., 2003. С. 25.

²² Eco U. I limiti dell'interpretazione. Milano, 1999. P. 143.

разных слов и выражений²³. Проанализируем в ракурсе дихотомии “словарь”/“энциклопедия” следующий отрывок из эссе Л.С. Рубинштейна “Коммунальное чтение” (1998):

“В какой-то момент датчанин вышел в туалет, но попал на кухню. Открывшееся его взору количество как рожденных ползать, так и рожденных летать насекомых могло бы вызвать ассоциации с западным изобилием или даже капиталистическим товарным перепроизводством, но, боюсь, вызвали более непосредственные чувства”²⁴.

Выражение “как рожденных ползать, так и рожденных летать насекомых”, представляющее собой трансформированную горьковскую фразу “рожденный ползать — летать не может!” из “Песни о Соколе”, не входит в состав обычной семантической компетенции и является факультативной (т.е. относится к энциклопедическим знаниям), однако для понимания приведенного отрывка узнавание модифицированной цитаты является обязательным.

Аналогично указанному Л.С. Выготским различию между индивидуальной и коллективной психикой²⁵, выделяются разные виды энциклопедии — универсальная, национальная, индивидуальная. Универсальная энциклопедия включает “вечные образы”, тексты мировой семиосферы²⁶. Национальная энциклопедия состоит из наиболее значимых для социума культурно-специфических понятий. При относительной стабильности коллективной памяти общества, формируемой в рамках национальной энциклопедии, корпус составляющих ее элементов не остается неизменным во времени: каждая эпоха и каждое поколение обладает собственными энциклопедическими кодами, по которым осуществляет отбор актуальных для себя “текстов” или прочитывает старые. Какими бы ни были инвариантные образы картины мира, неотъемлемую часть социокультурного сознания представляют индивидуальные варианты. Индивидуальная энциклопедия — это “замкнутый имманентный мир с собственной внутренней структурно-семиотической организацией, собственной памятью, индивидуальным поведением,

²³ Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012. С. 452. См. также: учение о “наивной картине мира” Ю.Д. Апресяна (Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимичные средства языка. М., 1974); о научной, общенаучной, естественнонаучной и социальной картине мира см.: Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. М., 2019. С. 20–24; теорию А. Вежбицкой о “культурных скриптах”, представляющих собой запечатленную в языке наивную аксиологию (Вежбицкая А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 389–423).

²⁴ Рубинштейн Л. Коммунальное чтение // Итоги. 1998. № 18 (103). С. 55.

²⁵ Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1986. С. 25–26.

²⁶ Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 2000. С. 616.

интеллектуальными способностями и механизмом саморазвития»²⁷. Индивидуальная энциклопедия лежит в основе становления личностных смыслов, представляющих собой индивидуализированное отражение действительности²⁸, не существует в отрыве от национальной энциклопедии, но при этом полностью с ней никогда не совпадает. Пример переплетения разных энциклопедических кодов можно проследить в следующем отрывке из “Москвы-Петушков” Вен. Ерофеева:

«Но теперь — “довольно простоты”, как сказал драматург Островский. И — финита ля комедия. Не всякая простота — святая. И не всякая комедия — божественная... Довольно в мутной воде рыбку ловить, — пора ловить человеков!..»²⁹.

“Довольно простоты” восходит к заглавию комедии А.Н. Островского “На всякого мудреца довольно простоты” и является частью национальной энциклопедии носителей русской лингвокультуры. “Не всякая комедия — божественная” — аллюзия на “Божественную комедию” Данте, которая входит в мировую семиосферу. К универсальной интертекстуальной энциклопедии относятся также “в мутной воде рыбку ловить” (слова Христа “отныне будешь ловить человеков” (Лк. 5: 10), а также выражение “финита ля комедия” (ит. *“finita la commedia”*), ставшее известным русскому читателю по реплике Печорина из “Героя нашего времени” М.Ю. Лермонтова. Что же касается “не всякая простота — святая”, которое восходит к *“Sancta simplicitas!”* и приписывается Яну Гусу, то знание этого интертекста должно классифицироваться, скорее, как индивидуальное.

Социокультурная специфика коммуникации формируется в рамках национальной энциклопедии и складывается из ряда взаимосвязанных факторов, к которым относятся: разрешенные/запрещенные в данном обществе разновидности общения; стереотипные ситуации общения; понятия, которые отражаются в системе традиционных образов и сравнений; парадигма речевых жанров; закрепившиеся в национальной энциклопедии стереотипы, играющие основополагающую роль в процессе усвоения и передачи информации, а также отвечающие за социализацию личности. Именно социализация позволяет индивиду понимать, использовать и вариативно интерпретировать всю сумму знаний, вошедших в обиход и составляющих норму общесоциальной эрудированности

²⁷ Лотман Ю.М. Об искусстве. С. 564.

²⁸ Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007. С. 354–357.

²⁹ Ерофеев Вен. Москва-Петушки // Оставьте мою душу в покое. М., 1995. С. 77.

в обществе; сумму регулятивов поведения, систему вербальных и невербальных языков коммуникации, идеологических и ценностных ориентаций, социальных и мифологических иерархий³⁰.

Термин “стереотип” был введен в 1922 У. Липпманом, который предложил под ним понимать упрощенное, схематизированное, зачастую искаженное, характерное для сферы обыденного сознания представление о каком-либо социальном объекте. Уже в самой этой дефиниции налицо две составляющие — социокультурологическая (детерминированность обществом и культурой) и психологическая (реконструкция окружающей среды по упрощенной модели). Стереотип представляет собой некую модель действия, связанную с определенным национально детерминированным выбором, который обуславливает стратегию поведения в определенной ситуации. При таком подходе стереотипы рассматриваются как знаки, которые являются вербальной фиксацией определенным образом опредмеченных потребностей социальной группы, этноса, национально-культурного ареала. Одновременно стереотип — это коммуникативная единица, способная посредством актуальной презентации социально санкционированных потребностей оказывать побуждающее типизирующее воздействие на сознание социализируемого индивида³¹.

В настоящей работе мы предлагаем под стереотипом понимать некий фрагмент мира, существующий в сознании в виде устойчивого, обусловленного социокультурной спецификой и закрепленного в языковой картине мира представления о предмете или ситуации, которое реализуется в коммуникации в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения. Такое понимание близко к интерпретации стереотипа как общественно-исторического мифа, отражающего системность существенных для общества знаний человека об окружающем мире и, как следствие, задающего оценочные координаты³².

Доминирующим в стереотипе может быть любой признак (в редчайших случаях — логический), а его источником часто становятся прецедентные для общества тексты, которые обеспечивают

³⁰ Флиер А.Я. Культурная компетентность личности: между проблемами образования и национальной политики // *Общественные науки и современность*. 2000. №. 2. С. 152.

³¹ Рыжков В.А. Регулятивная функция стереотипов // *Знаковые проблемы письменной коммуникации*. Куйбышев, 1985. С. 16.

³² Шихирев П.Н. Исследование стереотипа в американской социальной психологии // *Вопросы философии*. 1971. № 5. С. 168–175; Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // *Методологические проблемы социальной психологии* / Под ред. Е.В. Шороховой. М., 1975. С. 89–105.

реальность ассоциации. Стереотип как организующий элемент национальной энциклопедии, зафиксированный в языковой картине мира, обладает следующими основными характеристиками: суперустойчивостью представления действительности в сознании как отдельных личностей, так и целых социальных групп (даже перед лицом опровергающего его реального опыта); стремление к упрощению процесса восприятия нового образа и к нахождению места этому образу в уже существующей семиотической модели, что обуславливает приписывание новому образу в коллективном сознании социума характеристик, которые могут не содержаться в реальном объекте. При восприятии нового сообщения, не подготовленного контекстом или коммуникативной ситуацией, именно стереотип определяет угол зрения в соотнесении новой информации с уже имеющейся, регулирует поведение представителей определенного социо- и лингвокультурного общества и реализуется через стереотип организации коммуникации, через стереотипные языковые единицы, используемые носителями языка в стандартных ситуациях общения, в форме нормированных оборотов речи — речевых стереотипов.

Под “речевым стереотипом” понимается единица языка, вызывающая некоторый минимум сходных ассоциативных реакций по ряду семантических признаков оценочного характера, в которой на вербальном уровне в сознании представителей определенного общества оформилось в метафорической или в метонимической функции отношение определенной категории к себе самой или к другой категории³³. Особого внимания заслуживает разновидность речевого стереотипа, представляющего собой чужую речь в речи говорящего, — интертекст-мем, понимаемый как прецедентное высказывание, утратившее связь с породившим его источником и функционирующее в речи аналогично клише. Как смыслообразующая и текстообразующая категория, обладающая информационной самодостаточностью, тематическим, структурным и коммуникативным единством, интертекст-мем предстает значимой единицей социокультурного пространства и содержательным элементом национального языкового сознания³⁴. Поставщиком интертекстов-мемов являются входящие в канон школьного образования литературные произведения (например, “мороз и солнце”, “счастливые часов не

³³ Рыжков В.А. Регулятивная функция стереотипов. М., 1985. С. 13.

³⁴ Денисова Г.В. Интертекст в коммуникативной реальности современного поликультурного пространства России и Италии: автореф. дисс. ... докт. культурологии: 24.00.01. Саранск, 2019. С. 15.

наблюдают” и пр.), высказывания политических лидеров (“хотели как лучше, а получилось как всегда”), цитаты из популярных шлягеров (“не сыпь мне соль на рану”, “цвет настроения синий” и пр.) и из рекламы (“Мир, дружба, жвачка!”, “заплати налоги и спи спокойно”, “все равно купят!” и пр.), фразы из фильмов (“наши люди в булочную на такси не ездят”, “не учи меня жить, лучше помоги материально” и пр.). Последние легко переходящие в афоризмы, поскольку именно кино обладает особенностью впитывать семиотику бытовых отношений, национальных и социальных традиций, что делает его более насыщенным разнообразными нехудожественными кодами эпохи, а киноцитаты — устойчивыми единицами в коллективной памяти, которые ничуть не уступают по силе “убедительности” примерам из классической литературы.

Затрагиваемые вопросы важны для межкультурного общения, во-первых, потому что в процессе поиска и разработки национальных картин мира аналитические описания смыслового содержания языковой реальности часто подменяются стереотипами, которые работают на строительство заданной идеологии, создавая или принимая участие в создании желаемого дискурса; во-вторых, закрепившиеся в языковой картине мира стереотипы, предполагающие жесткую схему восприятия, при их несовпадении со стереотипами иноязычной картины мира существенно затрудняют или даже совсем исключают обратную связь с партнерами по коммуникации.

Аутентичная языковая личность действует, развивается, функционирует в конкретном лингвокультурном сообществе, обладающим своей концептуальной системой — языковой картиной мира, которая отвечает ориентационным и экзистенциальным потребностям общества. Языковая личность в межкультурном общении определяет новое “иноязычное” “Я” и развивается во “вторичную языковую личность”, которая, — пишет И.И. Халеева, — «складывается из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, то есть “языковой картиной мира” носителей этого языка (формирование вторичного языкового сознания) и “глобальной (концептуальной) картиной мира”»³⁵.

Овладение иностранным языком и иноязычной культурой и связанная с этими процессами социализация индивида в иноязычном обществе протекает при взаимодействии перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного, социального и индивидуального опыта, поэтому вторичная языковая личность складывается под

³⁵ Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи: подготовка переводчиков. М., 1989. С. 236.

неизбежным влиянием родной языковой картины мира, которая формируется в детстве и намного глубже связана с эмоциональным ядром человека (т.е. представляет собой имплицитное знание). Выработка же алгоритмов на изучаемом иностранном языке происходит при помощи правил и рефлексии над ними (эксплицитное знание), что может служить причиной возникновения зазора между “знанием о языке/культуре” и “владением языком/культурой”. Приобщение языковой личности в межкультурной коммуникации через усвоение иноязычного кода к пониманию смысловых и прагматических черт «иноязыковой» личности» в идеале означает приобщение к новым картинам мира.

Для диагностики уровня информированности о речевых стереотипах, отражающих социальные стереотипы и стереотипы сознания, нами были подготовлены специальные анкеты и проведен опрос среди одноязычных носителей русского и итальянского языков (всего 120 респондентов)³⁶, а также среди двуязычных респондентов, владеющих русским и итальянским языками (всего 80 респондентов).

Основная гипотеза была сформулирована следующим образом: стереотипы сознания, будучи психологическими феноменами, соотносятся с социолингвистическими феноменами — языковыми клише, лингвоспецифичными словами и выражениями, интертекстами-мемами, которые проявляются в коммуникации посредством ассоциаций. Разграничиваются два основных типа ассоциаций, критерием различения которых является апелляция (или отсутствие таковой) к прецедентному феномену. В одном случае имеет место свободная ассоциация, во втором — ассоциация предсказуемая (ассоциация-штамп).

Методологической базой эксперимента стали разработанные Ю.Н. Карауловым принципы построения ассоциативного тезауруса русского языка и заключенной в нем ассоциативно-вербальной сети, которая является субстратом языковой компетентности носителя. Явления, обладающие прагматической значимостью, проявляют себя только на фоне текста, за которым стоит языковая личность. По мысли Караулова, мы имеем основание говорить о выходе на прагматический уровень, имея объектом анализа статью Ассоциативного тезауруса, именно потому, что “такая статья представляет собой фрагмент АВС [Ассоциативно-вербальной сети — Г.Д.], а сеть

³⁶ Опрос проводился в 2016–2018 гг. среди студентов факультета искусств, факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Департамента филологии, литературоведения и языкознания Пизанского госуниверситета.

обладает свойствами системы и свойствами текста. Подчеркивается, что все реплики и ответы (=ответы, реакции) испытуемых на деле представляют собой осколки текстов — текстов либо когда-то ими порожденных, либо готовых развернуться *ad hoc*, применительно к данному стимулу и данному моменту”³⁷.

Предмет опроса составили клишированные генерализированные высказывания (интертексты-мемы) и превратившиеся в стереотипы имена собственные, входящие в русскую и итальянскую энциклопедии³⁸. В ходе опроса изучалась вербально выраженная реакция на стереотип в рамках неоконченных предложений (например: “миллион алых роз”, “мороз и солнце / ой мороз, мороз”). Мы исходили из предположения, что поставщиком синтаксиса в ответах носителей языка на стимулы должны явиться именно готовые коммуникативные блоки, а не созидательная порождающая мысль индивида. Задача реагирования должна была решаться спонтанно, поскольку ее решением движет сам язык, подсказывающий готовый фрагмент из национальной энциклопедии.

С помощью разработанного опросника среди одноязычных респондентов эмпирическим путем было выявлено:

- “сильные тексты” и “слабые тексты” одинаково участвуют в формировании коллективного когнитивного сознания, являются исторически обусловленными категориями и отличаются исключительно активностью бытования в социуме;
- высокой степенью стандартности и воспроизводимости как у русских (88,25%), так и у итальянских (87,25%) респондентов обладают тексты, составляющие ядро национального энциклопедического кода;
- наибольшие лакуны в обеих группах респондентов обнаружил универсальный энциклопедический код: 53,75% узнаваемости в группе носителей русской лингвокультуры и 61,25% у итальянских респондентов.

³⁷ Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999. С. 97–98.

³⁸ При составлении опросных анкет использовались следующие словари: Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000; Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М., 1994; Душенко К.В. Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина: что, кем и когда было сказано. М., 1996; Душенко К.В. Словарь современных цитат. М., 1997; Елистратов В.С. Словарь крылатых слов (русский кинематограф). М., 1999; Кожевников А.Ю. Большой словарь: крылатые фразы отечественного кино. М., 2001; Barelli E., Pennachietti S. Dizionario delle citazioni. Milano, 2013; Lorenzetto S. Dizionario delle citazioni sbagliate. Venezia, 2018; Spagnol E. Dizionario delle citazioni. Milano, 1994.

Двухязычные участники опроса были разбиты на три группы: первую группу составили респонденты, которые овладели двумя языками (далее — Я1 и Я2) одновременно (координативный тип билингвизма); вторую группу — респонденты, для которых усвоение Я2 протекало в естественных условиях с использованием приемов стимулирования спонтанной речи; третью группу — респонденты разного возраста, для которых изучение Я2 строилось на принципах поэтапного формирования коммуникативных компетенций (субординативный билингвизм). Группа билингов, характеризующихся субординативным двухязычием, включает в себя следующие подгруппы: респонденты, овладевшие русским и итальянским языками с детства в семье; респонденты — носители русского языка как родного, переехавшие в Италию с родителями, получившие образование уже в Италии и говорящие по-русски только в семье (обычно с одним из родителей); респонденты — носители русского языка как родного, переехавшие в Италию с целью получения высшего образования, для которых итальянский является иностранным языком (далее — ИЯ); респонденты — носители итальянского языка как родного, для которых русский язык является ИЯ и используется в профессиональной деятельности; респонденты — носители русского языка как родного, для которых итальянский язык является ИЯ и используется в профессиональной деятельности; проживающие в Италии носители русского языка, для которых итальянский язык является ИЯ и не используется в профессиональной деятельности; носители итальянского языка как родного, проживающие в Италии и изучающие русский язык как ИЯ³⁹.

Результаты опроса среди двухязычных респондентов позволили сделать следующие выводы: в условиях естественного билингвизма более высокий уровень энциклопедической компетенции наблюдается в лингвокультуре, в рамках которой получается образование (хронологически вторая лингвокультура может вытеснить первую лингвокультуру); при субординативном типе двухязычия наблюдается очевидное доминирование энциклопедического кода родной лингвокультуры. Как следствие, коммуникативное поведение иноязычных партнеров рискует быть неправильно интерпретированным, что может служить причиной конфликтов в межкультурном общении.

Итак, в процессе коммуникации каждый из ее участников пользуется языковым кодом, преломленным через индивидуальную

³⁹ Для участия в опросе отбирались респонденты, владеющие русским и итальянским языками как иностранными не ниже уровня С1.

энциклопедию, которая, в свою очередь, является отражением национальной энциклопедии. При отсутствии областей пересечения вербально-семантического и когнитивного уровней коммуникация состояться не может (Ю.М. Лотман в этой связи говорит о “вавилонской башне” семиозиса культур⁴⁰), в то же время, любой состоявшийся коммуникативный акт — это всегда “перевод” кода адресанта на код адресата. Диалог культур, проявляющийся в ситуации культурной плюралистической среды на всех уровнях межкультурного общения — глобальном, межэтническом и межличностном, требует отказа от понимания стереотипов лишь как фактора, дающего первичное представление о том или ином народе. Поскольку развитие современного мира характеризуется такими противоречивыми тенденциями, как процессы глобализации, ведущие к унификации культур, с одной стороны, и стремление к этнокультурной самоидентификации — с другой, следует обратить внимание на необходимость формирования вторичной языковой личности нового типа, понимаемой как личность, ориентированная на иноязычный социум через систему ценностей родной культуры. В этом смысле представляется необходимым обращение к стереотипам как к ДНК общества, как к “протянутой руке” социальной близости, и в соответствии с этим осуществлять межкультурное взаимодействие на иностранном языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимичные средства языка. М., 1974.
- Асмолов А.Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007.
- Барт Р.* Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. Благовещенск, 1998.
- Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000.
- Борботько В.Г.* Игровое начало в деятельности языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Вежбицкая А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Ворожко К.Д.* Стереотип как социокультурный феномен в трудах отечественных и зарубежных исследователей // Интерактивная наука. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotip-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-v-trudah-otchestvennyh-i-zarubezhnyh-issledovateley/viewer>
- Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1986.
- Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.

⁴⁰ Лотман Ю.М. Об искусстве. С. 564.

- Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М., 2003.
- Денисова Г.В. Интертекст в коммуникативной реальности современного поликультурного пространства России и Италии: автореф. дисс. ... докт. культурологии: 24.00.01. Саранск, 2019.
- Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М., 1994.
- Душенко К.В. Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина: что, кем и когда было сказано. М., 1996.
- Душенко К.В. Словарь современных цитат. М., 1997.
- Елизарова Г.В. Формирование поликультурной языковой личности как требование новой глобальной ситуации // Языковое образование в вузе. СПб., 2005.
- Елистратов В.С. Словарь крылатых слов (русский кинематограф). М., 1999.
- Ерофеев Вен. Москва-Петушки. М., 1995.
- Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012.
- Зинченко Ю.П. Двужычие и многоязычие как междисциплинарный феномен: социокультурный контекст, проблемы и перспективы развития // Национальный психологический журнал. 2019. № 1. С. 3–15.
- Ильюшкин В.В. Theoretical views about national and ethnic stereotypes in the social Sciences and Psychology // European Research. 2014. № 1. С. 83–88.
- Кайгородова Н. Г. Социокультурные стереотипы в коммуникативном поведении: лингвокогнитивный аспект // Политическая лингвистика. 2006. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-stereotipy-v-kommunikativnom-povedenii-lingvokognitivnyu-aspekt>
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.
- Кожевников А.Ю. Большой словарь: крылатые фразы отечественного кино. М., 2001.
- Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
- Красных В.В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? М., 2003.
- Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах функционирования поэтического языка. Екатеринбург, 1999.
- Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- Лотман Ю.М. О русской литературе: статьи и исследования: 1958–1993, история русской прозы, теория литературы. СПб., 1997.
- Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 2000.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб., 2000.
- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.
- Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000.
- Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. М., 2019.
- Пинкер С. Язык как инстинкт. М., 2016.
- Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1997.
- Рубинштейн Л. Коммунальное чтение // Итоги. 1998. № 18 (103).
- Рыжков В.А. Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Межвуз. сб. науч. трудов. Куйбышев, 1985. С. 15–21.

- Сорокин Ю.А. Психолого-лингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.
- Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.
- Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. М., 2000.
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
- Успенский Б.А. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994.
- Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000.
- Флиер А.Я. Культурная компетентность личности: между проблемами образования и национальной политики // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 151–165.
- Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи: подготовка переводчиков. М., 1989.
- Шихирев П.Н. Исследование стереотипа в американской социальной психологии // Вопросы философии. 1971. № 5. С. 168–175.
- Эткинд А.М. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001.
- Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М., 1975. С. 89–105.
- Ямпольский М.Б. Память Тиресия: интертекстуальность и кинематограф. М., 1993.

REFERENCES

- Allport G. W. Pattern and Growth in Personality. N.Y., 1964.
- Apresjan Ju. D. Leksicheskaya semantika. Sinonimichnyje sredstva yazyka [Lexical Semantics. Synonymous Language Meanings]. М., 1974 (in Russian).
- Asmolov A. G. Psikhologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka [Psychology of Personality: Cultural and Historical Understanding of Human Development]. М., 2007 (in Russian).
- Bachtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. М., 1986 (in Russian).
- Barelli E., Pennachietti S. Dizionario delle citazioni. Milano, 2013.
- Barthes R. S/Z. P., 1970. P. 27–28.
- Barthes R. Semiotika. Poetika [Semiotics. Poetics]. М., 1994 (in Russian).
- Benveniste E. Obshchaya lingvistika [General Linguistics]. Blagoveshchensk, 1998 (in Russian).
- Berkov V. P., Mokienko V. M., Shulezhkova S. G. Bol'shoj slovar' krylatykh slov [Large Dictionary of Catch Phrases]. М., 2000 (in Russian).
- Borbot'ko V. G. Igrovoe nachalo v deyatelnosti yazykovogo soznaniya [The Principle of Game in Linguistic Consciousness] // Etnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya. М., 1996 (in Russian).
- Eco U. I limiti dell'interpretazione. Milano, 1999.
- Gudkov D. B. Precedentnoe imya i problemy precedentnosti [Use Case and Case Studies]. М., 1999 (in Russian).
- Denisova G. V. V mire interteksta: yazyk, pamyat', perevod [In the World of Intertext: Language, Memory, Translation]. М., 2003 (in Russian).

Denisova G.V. Intertekst v kommunikativnoj real'nosti sovremennogo polikul'turnogo prostranstva Rossii i Italii [Intertext in the Reality of the Modern Multicultural Space of Russia and Italy]. Saransk, 2019 (in Russian).

Dobrovolsky D.O., Karaulov Ju.N. Associativnyj fraseologicheskij slovar' russkogo yazyka [Associative Phraseological Dictionary of the Russian Language]. M., 1994 (in Russian).

Dushenko K.V. Russkie politicheskie citaty ot Lenina do Yeltsina: chto, kem i kogda bylo skazano [Russian Political Quotes from Lenin to Yeltsin: what, by whom and when was said]. M., 1996 (in Russian).

Dushenko K.V. Slovar' sovremennykh citat [Dictionary of Modern Quotes]. M., 1997 (in Russian).

Elizarova G.V. Formirovanie polikul'turnoj yazykovoj lichnosti kak trebovanie novoj global'noj situacii [The Formation of a Multicultural Linguistic Identity as a Requirement of a New Global Situation] // Yazykovoe obrazovanie v vuze. SPb., 2005 (in Russian).

Elistratov V.S. Slovar' krylatykh slov (russkij kinematograf) [Dictionary of Catch Phrases (Russian Cinema)]. M., 1999 (in Russian).

Erofeev Ven. Moskva-Petushki [Moscow-Petushki]. M., 1995 (in Russian).

Etkind A.M. Tolkovanie puteshestvij: Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh [Travel Interpretation: Russia and America in Travelogues and Intertexts]. M., 2001 (in Russian).

Il'jushkin V.V. Theoretical Views about National and Ethnic Stereotypes in the Social Sciences and Psychology // European Research, 2014. N 1. P. 83–88 (in Russian).

Fateeva N.A. Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov [The Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts]. M., 2000 (in Russian).

Flier A.Ja. Kul'turnaya kompetenciya: mezhdru problemami obrazovaniya i nacional'noj politiki [Cultural Competence: between the Problems of Education and National Politics] // Obshchestvennye nauki i sovremennost', 2000. N 2. S. 151–165 (in Russian).

Kajgorodova N.G. Sociokul'turnye stereotipy v kommunikativnom povedenii: lingvokognitivnyj aspekt [Sociocultural Stereotypes in the Communicative Behavior: a Linguocognitive Aspect] // Politicheskaya lingvistika. 2006. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-stereotipy-v-kommunikativnom-povedenii-lingvokognitivnyj-aspekt> (in Russian).

Karaulov Ju.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian Language and Linguistic Identity]. M., 1987 (in Russian).

Karaulov Ju.N. Aktivnaya grammatika i asociativno-verbal'naya set' [Active Grammar and Associative Verbal Network]. M., 1999 (in Russian).

Khaleeva I.I. Osnovy teorii obucheniya ponimaniju inoyazychnoj rechi: podgotovka perevodchikov [Fundamentals of the Theory of Teaching Understanding of Foreign Language: Training of Translators]. M., 1989 (in Russian).

Kozhevnikov A.Ju. Bol'shoj slovar': krylatye frazy otechestvennogo kino [Big Dictionary of Cinema Catch Phrases]. M., 2001 (in Russian).

Krasnykh V.V. Etnopsicholingvistika i lingvokul'turologiya [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]. M., 2002 (in Russian).

Krasnykh V.V. "Svoj" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? ["Own" among "Strangers": Myth or Reality?] M., 2003 (in Russian).

Kuz'mina N.A. Intertekst i ego rol' v processakh funkcionirovaniya poeticheskogo yazyka [Intertext and its Role in the Poetic Language]. Ekaterinburg, 1999 (in Russian).

Leont'ev A.A., Sorokin Ju.A., Tarasov E.F Nacional'no-kul'turnaya specifika rechevogo povedeniya [National-cultural Specificity of Linguistic Behavior]. M., 1977 (in Russian).

Lorenzetto S. Dizionario delle citazioni sbagliate. Venezia, 2018.

Lotman Ju.M. O russkoj literature [About Russian Literature]. SPb., 1997 (in Russian).

Lotman Ju.M. Ob iskusstve [About Art]. SPb., 2000 (in Russian).

Lotman Ju.M., Uspensky B.A. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashchikh mirov [Semiosphere. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds]. SPb., 2000 (in Russian).

Meletinsky E.M. Poetika mifa [The Poetics of Myth]. M., 1976 (in Russian).

Nikolaeva T.M. Ot zvuka k tekstu [From Sound to Text]. M., 2000 (in Russian).

Osipova N.G. Sovremennaya sociologicheskaya teoriya [Modern Sociological Theory]. M., 2019 (in Russian).

Pinker S. The Language Instinct: How the Mind Creates Language. Oxford, 2016.

Prokhorov Ju.E. Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrancev [The Role of National Sociocultural Stereotypes of Verbal Communication in Teaching Russian to Foreigners]. M., 1997 (in Russian).

Rubinshtejn L. Kommunal'noe chtivo [Pulp Fiction] // Itogi, 1998. N 18 (103) (in Russian).

Ryzhkov V.A. Reguljativnaya funkciya stereotipov [Regulatory Function of Stereotypes] // Znakovye problemy pis'mennoj kommunikacii. Kujbyshev, 1985. P. 15–21 (in Russian).

Shikhirev P.N. Issledovanie stereotipov v amerikanskoj social'noj psikhologii [The Study of Stereotypes in American Social Psychology] // Voprosy filofofii. 1971. N 5. P. 168–175 (in Russian).

Sorokin Ju.A. Psikhologo-lingvisticheskie aspekty izucheniya teksta [Psychological and Linguistic Aspects of Text Studis]. M., 1985 (in Russian).

Spagnol E. Dizionario delle citazioni. Milano, 1994.

Stepanov Ju.S. Yazyk i metod. K sovremennoj filosofii yazyka. [Language and Method. Towards a Modern Philosophy of Language]. M., 1998 (in Russian).

Tajfel H. Social Stereotypes and Social groups / Ed. by J.C. Turner, H. Giles. Intergroup behaviour. Oxford, 1981. P. 144–167.

Tarasov E.F. Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya [Actual Problems of the Linguistic Consciousness] // Yazykovoe soznanie i obraz mira. M., 2000 (in Russian).

Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Language and Cross-cultural Communication]. M., 2000 (in Russian).

Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol [Myth. Ritual. Symbol]. M., 1995 (in Russian).

Uspensky B.A. Semiotika istorii. Semiotika kuk'tury [Semiotics of History. Semiotics of Culture]. M., 1994 (in Russian).

Vygotsky L.S. Psichologiya iskusstva [The Psychology of Art]. M., 1986 (in Russian).

Vorozhko K.D. Stereotip kak sociokul'turnyj fenomen v trudakh otechestvennykh i zarubezhnykh issledovatelej [Stereotype as a Sociocultural Phenomenon in the Works of Russian and Foreign Researchers] // Interaktivnaya nauka. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotip-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-v-trudah-otchestvennykh-i-zarubezhnykh-issledovatelej/viewer> (in Russian).

Wierzbicka A. Ključevye idei russkoj yazykovej kartiny mira [Russian Key Words]. M., 2005 (in Russian).

Yadov V.A. O dispozicionnoj reguljacii social'nogo povedeniya lichnosti [On Dispositional Regulation of Social Behavior of an Individual] // Metodologičeskie problemy social'noj psichologii. M., 1975. P. 89–105 (in Russian).

Yampol'sky M.B. Pamjat' Tiresiya: ibtertekstual'nost' i kinematograf [Memory of Tiresias: Intertextuality and Cinema]. M., 1993 (in Russian).

Zalevskaya A.A. Vvedenie v psicholingvistiku [Introduction to Psycholinguistics]. M., 1999 (in Russian).

Zalizniak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Konstanty i peremennye russkoj yazykovej kartiny mira [Constants and Variables of the Russian Linguistic World View]. M., 2012 (in Russian).

Zinchenko Ju.P. Dvujazychie i mnogoyazychie kak mezhdisciplinarnyj fenomen: sociokul'turnyj kontekst, problemy i perspektivy razvitiya [Bilingualism and Multilingualism as an Interdisciplinary Phenomenon: Sociocultural Context, Problems and Development Prospects] / Ju.P. Zinchenko, L.A. Shajgerova, P.S. Shilko // Nacional'nyj psichologičeskij zhurnal. 2019. N 1. P. 3–15 (in Russian).